

Громов Владимир Владимирович 1946 г.р.
06.02.2014 г.

Я с 1972 года член ЦМКК. А самым молодым членом ЦМКК был Леня Директор, он тоже 46 года рождения. До него самым молодым был я. Были еще братья Говоры из Новосибирска (1948 и 1954 года рождения), Володя Поляков, горник. Были люди, которые не просто в Москве сидели, а работали на местах.

Впервые в поход пошел еще мальчишкой в 1958 году (в 12 лет) с учителем Таболенковым Владимиром Ивановичем, членом туристского клуба «Спартак», по Подмоскovie, а потом в марте на Селигер на лыжах. Это был поход 1 к. с. Потом был летний поход по Закарпатья, незабываемый, почти двухмесячный сплав по реке Оке от истоков до впадения в Волгу (1959 год), участие в городском первенстве по туризму среди школьников и первые награды за Уральский поход.

В 1960 году попал в геологический, туристский кружок под руководством Юрия Ивановича Валишина. А в 1961 году повел первый лыжный поход по Карелии в составе школы младших инструкторов при ДСО «Спартак».

В «Спартаке» у меня были учителя и соратники Ирина Ванштейн, Борис Гельфгат, Петр Лукоянов. В «Спартаке» же я вырос от новичка до мастера спорта. За 50 лет прошел более 200 спортивных походов.

Я из «трудных» детей, стоял на учете в милиции, но, тем не менее, когда мне еще не было 17 лет, я уже был кандидатом в КПСС и работал инструктором в Дзержинском райкоме комсомола.

В 61 году, когда запрещали туризм в «Спартаке», как мы ходили, как ни в чем ни бывало, работали инструкторские школы. В борьбе против запрета я по молодости не участвовал. Но мое мнение: у нас страна большая, в Москве приняли какое-то постановление, а до Ямала оно дойдет лет через 10, когда его уже отменят. И вообще, чем круче закон, тем меньше его исполняют. Наоборот, в начале шестидесятых был пик слетов, конкурсов, походов, звездных походов. Массовые запреты районов то же ни к чему не приводили. Наоборот, в закрытые районы стремились, но шли без оформления. Запреты влияли на число оформленных групп, но не на число ушедших в походы.

С 1976 года, уволившись из армии в звании подполковника, перешел на тренерскую работу. Получил военное, педагогическое и экономическое образование. Трое взрослых детей, четверо внуков. Мастер спорта по альпинизму (1971 год, 25 лет), мастер спорта по лыжному (1971 год), горному (1972 год), пешему (1975 год) туризму. Старший инструктор методист по туризму, судья Всесоюзной категории. Пятикратный чемпион и семикратный призер чемпионата СССР и России. 24 раза руководил походами V и 16 раз походами VI категории сложности. Это, вероятно, абсолютный рекорд страны.

Участвовал и руководил походами по Полярному Уралу в полярную ночь, острову Вайгач, Верхоянскому хребту, Северной земле, Таймыру, Карскому морю, лыжным походом по Тянь-Шаню в районе пика Победы, горные походы во всех горных районах СССР. А также заграничные походы в Швейцарии, Шотландии, Испании, Австрии, Германии, Перу (Анды) Чили, Болгарии.

В 1976 году руководил самым первым походом шестой категории сложности после их введения в нормативы, по Приполярному Уралу. Последнее руководство «шестеркой» в 2002 году (56 лет) на лыжах по Южному Тянь-Шаню с заходом в Китай.

В горных походах поднимался на семитысячники: Пик Победы, пик Ленина, пик Коммунизма, а также Эльбрус, Монблан, Мак-Кинли, Килиманджаро, Аконгуа, Эребус (Антарктида), пик Кука. Пройдены длительные сплавы по р. Оке (750 км), р. Урал (670 км), р. Волге (930 км), р. Днепр (700 км), р. Лена (1000 км), р. Иртыш (1200 км), р. Обь (900 км).

Работаю в детском туризме. Почти 10 лет был старшим тренером по туризму и альпинизму при МГС «Трудовые резервы». С 1985 года в доме пионеров - центре детско-

юношеского туризма Южного округа Москвы. С 1988 года занимаюсь скаутским движением, президент Всероссийской национальной скаутской организации.

Туризм, как это следует и-з перечисленного выше - для меня образ жизни. Есть у туристов шуточная поговорка, «если походы мешают работе – бросай работу!». Я так я и сделал, став профессиональным тренером по туризму почти 30 лет назад.

Я профессионал, а профессионал это тот, кто получает деньги. Если человек за свои занятия денег не получает – он любитель, даже если он специалист самого высокого класса.

Среди вызывающих интерес маршрутов - зимний поход по Иньлчеку, поскольку о нем написано в альманахе «Ветер странствий». Но это технически не сложный поход, таких у меня больше десятка на Памире, Тянь-Шане. Те походы, которые там были сделаны до нас, до 61 года, были по старой классификации высшей, третьей категории сложности. Тогда, категория маршрута, по правилам, введенным еще при Н.В. Крыленко, определялась удаленностью от населенных пунктов и абсолютной высотой. По новой классификации их стали считать чуть ли не «единичками», поскольку в определении сложности маршрута возобладал другой подход. Высота у туристов - это не сложность. Аналогично на невысоком Кодаре проходили сложнейшие перевалы, «тройки Б», и потом экспедиция центральной горной комиссии подтверждала, что это именно «тройки Б», но в среднегорье.

С 1971 по 1975 год мы готовились к походу на Северный полюс. Для начала прошли полярной ночью по Полярному Уралу, за тем - на остров Вайгач, в 1974 году - 900-километровый маршрут по Северной земле, а летом по Таймыру прошли маршрут примерно такой же протяженности.

В 1975 году мы должны были идти на северный полюс. В группе был В. Тихомиров, П. Лукоянов. Я был в штурмовой группе вместе с Б.Н. Волковым. Все участники предполагавшегося похода были руководителями предприятий, учеными, занимали высокие должности. Но выход на полюс нам запретили. Туда пошла бережно опекаемая полярниками экспедиция газеты «Комсомольская правда» во главе с Дмитрием Шпаро. Но мы не отказались от своей мечты и впятером прошли с Северной Земли на ЗФИ через Карское море. Этот маршрут был сложнее, чем на полюс, тем более, если учесть нашу полную автономность и то, что у нас не было даже раций.

Мы с группой Шпаро с 1972 года в тренировках участвовали, я отвечал за снаряжение. Потом мы поняли, что мы сильнее их на много и стали готовиться сами. По запрет выходить на лед для других групп ничего не знаю. Мы как ходили, так и ходили. Возможно, нельзя было выйти официально, но мы три свои похода не заявляли, потому, что нам говорили в ЦМКК, что это нельзя, и то нельзя, потому, что слишком сложно, хоть я и сам член ЦМКК. Видимо, боялись, что и другие захотят, а у них опыт меньше. Я, вообще считаю, что в шестерки могут ходить только люди со званием «Мастер спорта». Шестерка, это как олимпийские игры, там должны быть мастера спорта высшего класса. Шестерка не должна быть ограничена ни днями, ни километражем. Ее в классификации быть не должно. Сейчас сделали набор препятствий на «пятерку». Я этого не понимаю. Это ни физиологический подход, ни психологический и ни тактический.

Меня за самовольный маршрут по Карскому морю лишили звания «Мастер спорта».

В прочем на следующем, 1976 год мастерское звание мне восстановили за 700-километровый поход по Приполярному и Полярному Уралу почти до Карского моря. Это была первая «шестерка», и продолжалась она 28 дней. Только «шестерку включили в Правила», и через 10 дней мы ушли в поход. Разумеется, готовили его заранее. У меня маршруты вообще все протяженные. Сейчас то же мы с детьми ходим по речкам по 1200-1300 км.

Потом мы с Заполярья перешли на горные районы, стали ходить по горам на лыжах зимой. Про Иньлчек уже сказано, а самый сложный в этих походах был переход по Центральному Памиру через перевал 26 бакинских комиссаров на ледник Федченко. А так все было относительно просто. Зимой не надо ходить простые перевалы, они лавиноопасны. А к «тройке» подошел, по стене залез, по стене спустился.

Был у нас большой лыжный поход Памирский в 1979 году через Пик Ленина траверсом

хребта, а перед этим, был переход в 200 километров. У нас была такая система: сначала мы делали летний маршрут в каком-то районе, а потом зимой. Так мы ходили по Памиро-Алаю, Тянь-Шаню, Алайскому, Заалайскому, Чаткальскому хребтам. Группа была схоженная. Мы начали в таком составе ходить в 70-х годах так до 90-х и ходили. Петр Белухин, Саша ????, Саша Панов, ??????. Боря Космаков из Твери, Миша...из Грузии. Нас 10 человек было. Все остались живы.

Я работал тренером в МАЛе и перед лыжным походом три раза поднимался на Пик Ленина. Зимой подняться на Пик Ленина проще и по погоде и технически. А погода, на верху что летом, что зимой может быть за минус 30°.

Мы так им же образом ходили в район пика Маяковского, по Мургабскому хребту. Там, на Восточном Памире, снега почти нет. Часто лыжи приходилось нести на себе. Идешь долиной, ее высота 5000 метров, а вокруг пупыри шеститысячные ровные.

Выбирались по Заалайскому хребту в Китай, и там ходили. Поперек Алайской долины идет Памирский тракт, и вдоль него – колючая проволока. Оттуда до границы еще 70-80 километров на восток. Нам пограничники калитку открывают, поскольку граница в прямом смысле была на замке. Замок висит, дальше контрольно-следовая полоса – все как положено. Летом в той части долины пасли стада. Алайская долина в восточной части за небольшим автомобильным перевалом спускается в Китай. В то время у нас с Китайцами были проблемы. В Алайскую долину загнали несколько танковых полков. Танки там по сдыхали – в воздухе мало кислорода, стали на них турбины ставить. Но за то Памирский тракт расширили и теперь по нему проходит танк. Мы туда в 79 году выезжали, а потом в 80-м.

В 80-м году, когда были афганские события, мы шли по перевалам от Мургаба до Хорога, внизу под нами был Пяндж под нами, попутно мы выполняли задание, определяли проходимость перевалов для людей и техники.

В начале 70-х годов был запрет выхода на Полярный Урал. Ни кто не знал почему. Мы письма в ЦК писали, мол безобразия, почему закрыли. А все очень просто, там ядерный взрыв произошел, и район был заражен радиоактивными выпадениями.

Когда, тренируясь к полюсу, ходили на Новую землю по дрейфующим льдам. Ядерный полигон оставался на много севернее. К 1 мая вернулись на материк, в Амдерму. А там все наши самолеты стоят занесенные снегом. Когда будет вертолет неизвестно. Нам говорят: «Идите до Воркуты, там всего-то 270 километров!». И мы пошли. По ровной тундре идти не сложно.

Ямальские походы были интересные. Поход с Диксона на мыс Челюскин, почти 1000 километров. Мы шли через острова Комсомольской правды, Вита, посещали полярные брошенные с войны полярные станции. Там великолепные библиотеки, все закрыто, в ангарах продуктов не меряно, с довоенных времен ящики шоколада. В других ящиках карабины в масле лежат, патроны. Никому это не нужно. Только сейчас что-то пытаются расконсервировать. Так же как и станция на мысе Желания, на северном конце Новой земли.

Мы осваивали некоторые новые районы, сделали много первопрохождений зимой: Каряжское нагорье, Чукотка, Момский хребет, хребет Черского, Майский хребет на Дальнем Востоке. Это начало восьмидесятых годов. Больше чем мы никто не ходил в то время.

На майские праздники мы все время ходили в район Ужбы, на разминку просто, чтобы поддержать форму. Уезжали на неделю, поднимались на Ужбинское плато, чего-то еще делали. На Ужбу мы три раза ходили. С плато там не сложно, только верхний кусок и все. Она у альпинистов 5Б, но не везде.

В Федерации я был в двух комиссиях. Там и Константинов Юра был в нашей пешеходной комиссии. Потом меня пеше-лыжная комиссия направила меня на разбор несчастных случаев. Со многими спасателями у меня сложились дружеские отношения. Конечно, с ними везде было по-разному. Заставь дурака богу молиться – он себе лоб разобьет. Все зависело от людей. А потом, они подчинялись местному Совету по туризму. Как Совет скажет, так они и будут делать. А Совет по туризму подчиняется местной власти. Как скажут там, так и будет, потому, что Совет получал деньги от местной власти и материальную базу. Если бы они

получали все в другом месте, может быть, все было бы по-другому. Пересечения с КСС были у многих.

Мы разбирали многие случаи, так называемые «спас работы», а точнее вытаскивание трупов. Называть их спасателями было нельзя. Впрочем, мне они палки в колеса не вставляли. Мы делали просто: заезжали в закрытое Приэльбрусье со стороны Малки и с северной стороны на Эльбруса поднимались, а там спасателей не было.

Мы проводили много всесоюзных семинаров, на которых готовили старших инструкторов-методистов, руководителей походов высшей сложности на Алтае, на Памиро-Алае, в Саянах, и естественно все местное КСС стояло на ушах, чтобы провести это мероприятие. У нас была выездная ЦМКК, председателем которой на 8 семинарах был я. Мы утверждали пятерки, реже четверки. Народ приезжал со всего Советского Союза, их присылали местные советы по туризму. А проводил Институт повышения квалификации на Сходне и Центральный совет нас частично финансировал. Пешие семинары проводили с Леней Авериним, горные – с Генрихом Сипачевым.

Запреты 1983 года меня почти не коснулись. Я тогда был председателем всеармейской МКК, и мы были сами по себе. (В тот год пройдено 4 похода лыжных и горных из них 2 «пятерки» и одна «шестерка» по Северо-западному Памиру).

Как-то в 1986 году мы вместе с армейцами полетели на Камчатку. Я всех подбил, давайте пройдем Срединный хребет. От Петропавловска Камчатского это далеко на севере. Хребет не высокий, но там никто никогда не был, разве что местные коряки. Прилетели мы в Петропавловск. А у нас народ половина из Генштаба, полковники, и прочие офицеры. Нас, естественно встретили, у всех знакомые: кто-то вместе учился, кто-то вместе служил. Вертолетом нас забросили и мы пошли. А там из-за влажности изморозь большая и постоянно висит слой тумана на высоте 300-400 метров. Над туманом только вершины гор выступают. И вот мы идем ниже пелены тумана, и над нами летает вертолет. День летает, второй день летает, третий, четвертый. А нас не видно. Началась низовая пурга и наши следы замело.

Когда мы вернулись оказалось, что район, куда мы пошли – это полигон, куда ракетами стреляют. Но мы-то об этом не знали, и для местных это тоже был секрет. Мы только вылетели, и на следующий день поступает распоряжение: район закрыт для посещения.

Армейские походы вообще не очень-то закрывались, поскольку ездили за свои деньги. Были такие уникальнейшие походы, о которых ни кто не знает. Треть библиотеки армейской у меня лежит. Водные походы очень интересные. Потом по тем же рекам кто-то делал первопрохождения, а мы там лет за 30 до них были. Петька, Петр Александрович Белухин работал в институте Геологии, со мной, в основном ходил зимой, а летом они выезжали в экспедиции и втроем сплавливались по рекам. Он один из самых сильных водников. Прошел северные реки востока, Якутии. Они приезжали, баллоны надували, строили плот и сплавливались, делая геологическую съемку по 200-300 километров по хорошим порогам. Эти реки сейчас считаются шестерочными. По некоторым рекам и сейчас еще не ходили.

Нам запрещали в начале 80-х ходить в Дагестан. Ни кто не ходил на Восточном Кавказе. И мы решили туда пойти. Но нам на работе поход запретили. Я в конфликт вошел с начальством, мне ни денег, ни отпуска не дали, ничего Мы летом делали, в основном, лагеря человек по 400-500 детей в Дигории у Караугомского ледопада. Снимали полностью турбазу, потом переходили к леднику и ниже Райской поляны ставили свой лагерь. Занимали всю поляну, и ходили на разные перевалы вплоть до 2Б. Потом выходили с детьми к морю на другую турбазу. С наиболее сильными ребятами проходили ледопад. На вершины поднимались 2А-2Б.

И не пустили нас начальство в связи с работой. А мы в сентябре собирались, после лагерей. Тогда Олег Стрельников подвел здорово. Он тогда был в Трудовых резервах. Собирались в этот поход ПТУшники, мастера производственного обучения, которые сами вели секции. Тем не менее, мы прошли маршрут, сократив его, правда, в два раза.

Запреты были не только в СССР. Вот совсем недавно в Краснодарском крае ввели запрет на походы и для детей и для взрослых, и теперь там можно ходить только в сопровождении

местных инструкторов (естественно за деньги). Местные власти грозятся ставить везде посты и никого не пускать. Это нарушение конституции. А у меня летом под Новороссийском большой лагерь. Я занимаюсь скаутским движением. И мне и многим другим организациям запретили лагерь проводить. Запрет этот наверняка инициирован снизу. И раньше запреты, в основном, шли снизу, а наверху они просто распространялись.

Мы ходили в лыжный поход на Северный Тянь-Шань, на Чаткальский хребет. Этот поход назывался «мы шли под грохот канонады». У нас с собой была взрывчатка для спуска лавин. В районе брошенных шахт взрывчатки валяется много. Температура 20-25⁰ мороза, речка Чаткал не замерзает, идем на лыжах. Прижим, надо реку переходить. Снег рыхлый, как на Центральном Тянь-Шане. Руку опускаешь и через снег достаешь камушек. Мы разулись. Река течет, глубина по колено, перешли на ту сторону и почувствовали, что в воде ноги согрелись! Дальше там брошенная геологическая база и на ней склад. Собака привязана. Но, наверное, кто-то туда приходит, потому что ниже километрах в 25 есть аул. Мы заезжали с севера. Тамас, что ли, поселок назывался. И собака за нами увязалась, и шла с нами весь маршрут. Перевалы у нас были достаточно сложные, со снежными карнизами на гребнях. Мы эти карнизы пилили веревкой, а где-то взрывом спускали лавины. Снизу мы всегда шли по положительным формам рельефа и карнизы обходили. В лоб никогда не поднимались, серпантин не закладывали. Иногда, в небольших кулуарах лавины спускали сами «на живца» - первый на веревке выходит, вместе с лавиной слетает, а потом мы все переходим склон. И вот собака, когда мы шли на спуск, ходит, ходит по краю, в потом метров с 5-7 – прыг вниз! От нас не отставала ни на шаг, но ни разу к нам не подходила. На биваке чего-нибудь поест и метра в 10 лежит. А на маршруте за нами бежит по лыжне, чтобы не проваливаться.

В другой раз уходили по Памирскому тракту, и с нами маленькая собачка увязалась в Кударе. В том походе мы Усойский завал проходили. Там очень красиво. Вода из Сапразского озера уходит зимой, и лед с берега спускается метров 6-7, образуя склон метров 15-20. Там были волны застывшие, гроты. Очень красиво. В одно прекрасное утро спим, высота приличная, слышим, кто-то ходит. Это к слову о снежном человеке. Медведь там то же есть, но это был не медведь. Мы зашевелились, фонарики зажгли, и он от нас так на двух ногах и ушел. Высотой метра под два. Собака, которая с нами была, забилась (подкопалась) под палатку. Она нас и разбудила. Следов нет, потому, что снег рыхлый, только траншея. Ну, мы поснимали, поснимали, получился силуэт, но как у обычного человека. Плотом с уфологами переписку год вели.

Рассказывать можно о том, как Полярный Урал открывали. Это опять 50-е годы, зимние походы. Тогда же зимние походы подразумевали печку. А мы тогда начинали в тундру с примусами ходить. Это были по тем временам уникальные походы. Хотя потом там даже школы проводили. Нами сделано одно из первых Зимних восхождений на Пайор с южной стены. Обычно на него траверсом по хребтам ходили, а по стене – это довольно сложно. Прошли траверс всего Полярного Урала с ледника Географического и дальше вниз-вниз-вниз, на Хальмер-Ю и дальше на юг с восхождениями на Ханмей, Харбей - по тем временам интересные впечатления. Оттуда продолжили через Пайор по хребту, где можно было по нему идти до Лонгаты-Юган. Мы проходили 600 километровые маршруты по 25-30 дней, уникальные маршруты. Их потом только кусками повторяли.

У меня и Памирские и Тянь-Шанские походы – это, в основном, траверсы. Разумеется где-то по гребню, где-то в обход вдоль гребня. Просто по хребту долго нельзя идти по большому счету. Сюда же и походы по Кодару, когда мы там первые «троечные» перевалы проходили с ночевками на стене. Мы там большие маршруты закладывали, уходили от обычных путей на север. В том числе на пик Бам зимой поднимались.

Мы на Кодаре на разных перевалах 4 ночевки на стене на подъеме и на спуске сделали. Одна ночевка была, когда мы выскочили на перевал Мурзилка. Снега там было много и лавины шли. Мы спускались по боковому хребту и схватили незапланированную холодную ночевку. Холодно, -38⁰. Три раза чай готовили. Наскребли снега, Разожгли примус, но я перебухал заварки - пить невозможно. Снова наскребли снега, разбавили...

На перевале Бориса Гельфгата. Там стена почти 600 метров. На полпути встали. У нас было так. Первый спускается по веревке на тормозном устройстве без всего, а второй тащит пучок лыж. Нас было 8 человек, три пучка лыж. Как раз тогда мы лепесток спусковой придумали. Он не приспособлен для соревнований, но для похода очень удобен. На нем можно остановиться в любой момент, закрепить и делать все что угодно. Мы его делали от первого образца до серийного производства. У нас Саша Наумов был, фрезеровщик, он как раз, делал эти лепестки из титана.

Так вот, мы на той стене для сидячей ночевки площадочку нашли, и на ней расположились в рядок. Настя сидит там наверху. Я спустился, стою по грудь в снегу. «Витя», кричу, - «кидай лыжи!». Они же мешают на спуске страшно. Он их бросил, они бух! – в снег ушли. А вниз когда выходили, попали на кедровый стланик. Но сверху-то его не видно, он под снегом, поверхность гладкая. И я провалился метра на 4. Дырка наверху, и я в этом стланике сижу. Пришлось на веревке рюкзак вытаскивать, потом и сам вышел. Мы раза три так проваливались. Потом ушли на склон на камни, потому, что идти над стлаником невозможно было. Но очень интересный был поход по Восточному Саяну, на 4/5 первопрохождение.

Все на Саянах начинают с юга, с дороги и потом снова возвращаются на дорогу. Мы тут сделали траверс очень сложный, и когда мы дошли до Шумака через 17 перевалов, там у нас ушли 4 человека. Хотя у них уже был опыт пятерок, но идти дальше они не смогли, устали. Оставшиеся после этого ушли на север на Анотский хребет, Китойский и дальше. Там на реках везде наледи. И вот мы шли по застывшей широкой речке, а впереди замерзший водопад. На перегибе был лесной завал, большой, большой завал, высотой до трех этажей. Мы к нему пришли и ниже завала за большим камнем расположились, поставили палатку и пошли дров нарубить. Дерево в завале сухое, а мы как раз промерзли очень сильно. И тогда решили, чего это мы рубим, давай тут костер разведем. Подожгли этот завал и сидели метрах в 50-60 от него – жара! Решили даже, давай, помоемся в тепленькой водичке!

Мы давно уже ходим по каньонам. Я упомянул речку-Малку. В том походе, мы сначала вокруг Эльбруса ходили, а потом пошли вниз по Малке. Это был конец мая. В каньоне папоротники образовали многолетние кочки, буквально в рост человека - как в доисторическом лесу идешь. Мы там натолкнулись на три трупа, остатки плота, документы. Прибалты погибли, сплавляясь по реке. Погибли они за 4 года до нас, их искали, но не нашли, хотя там сверху дорога идет. Мы до этого день шли с веревками по стене, потом попали в расширение. Стены там метров 600-700, но вылезти можно было, и спуститься вниз то же. Но сверху их не увидели.

Был еще подобный случай на перевале Мижерги. Мы не особо оформлялись, ходили своей группой «для удовольствия». Был, конец сентября. Все чистенько, вода прозрачная, реки мелкие, там где летом по грудь - переходили – ботинок не замочивши, и погода хорошая. Мы в это время года ходили небольшие маршруты километров до ста на две недели. И вот мы на Мижерги выходим, внизу бергшрунд небольшой и висят веревки полу вмерзшие, сдвоенные на спуск. Наверху - крюк. Решили их взять – веревка всегда дефицит. Спустились, а на конце труп висит, почти весь в лед вмерзший. Видимо, одиночка. Мы в бергшрунд спускаться не стали, потому, что вторая половина дня была, уходить надо было. Да и вырубить его мы бы не смогли.

* * *

На Звездочке, я там первый раз был с армейскими туристами, мы тогда не поднялись, потому что на Победе погибли грузины и все свернули. Мы забросились через перевал Высокий, и наверху вырыли пещеру. Ветер поднялся, и мы просидели трое суток в пещере троим, потому, что на утро надо было еще повыше подняться.

Лёша Малин из филиала института медико-биологических проблем, мы на халяву с этим институтом ходили, выполняя их задания. Они кровь брали, давление проверяли. На Заалайском хребте высокого уровня семинар был, с кучей врачей и обследованиями с начала и до конца маршрутов. Есть там ледник Каинды на восточном окончании Заалайского хребта,

туда почти никто не ходит. Нас туда вертолетом забросили. Мы должны были три недели ежедневно подниматься на 1000 метров и спускаться, а врачи за нами наблюдали. Мы этот ледник весь облазили. Сделали односторонние подъемы на 20 перевалов, все доступные точки вокруг ледника Каинды облазили.

В районе пика Коммунизма нас забросили на плато. Внизу прошли акклиматизацию, и жили на высоте 10 дней. На восхождения не ходили. Врачи проверяли наше самочувствие, отслеживали накопление высотной усталости. И вот однажды вылезают чехи по ребру Буревестника, зеленые, еле дышат, а мы в футбол играем! Но, конечно не просто в футбол играем, а площадку, таким образом, для вертолета вытаптываем. День был очень теплый, там, если ветра нет, может быть даже жарко. И вот мы по пояс голые гоняем мяч. А те в пуховках, в очках еле на ногах стоят. Так что моменты были интересные.

Еще мы проводили испытания всяких продуктов, которые сейчас в космосе используют. Дали нам (из института Медико-биологических проблем) однажды хлеб в вакуумной упаковке, проспиртованный. Им же не объяснишь, что мы все на себе несем. «Товарищи ученые» нам этого хлеба дали полторы тонны. Я держал его на балконе и два года им всех приходящих кормил.

Давали нам сублимированный творог, я больше такого не встречал. Мы и до этого сублимированный творог знали, ездили за ним в Детчину, там он был в жестяных банках. А это был творог от института медико-биологических проблем был розового или белого цвета, и в него были добавлены мелко молотые ягоды, пяти или шесть видов.

У нас тогда были, только они появились, пластмассовые кружки. У нас личной посуды не было. Все время все было общественным, и эту общественную посуду несет один человек. Кружки были хозяйственные с рисками по весу сыпучих продуктов. Мы на остановках кипятили воду, добавляли кубики, быстро перекусывали и шли дальше, поскольку зимой короткий день. И с этими кружками мы собирались идти на северный полюс. В походе по Карскому морю Петя Лукоянов к концу похода заболел. А я выполнял роль доктора, поскольку проработал пол года в скорой помощи. Меня Ирина Вайнштейн устроила в Склифосовского и мы там проходили, как колоть, что колоть и куда колоть. Опыт был хороший: мы кого только не подбирали. Буквально куски сложил и, отвез в Склиф, или по пути что-то зашил. Все это, в основном, делают фельдшеры.

Я Петру Ивановичу уколы сделал, в палатке сижу. Палатка Зима, наше изобретение. Первые палатки мы шили в Солнечногорске, потом они пошли в серию. В ней на липучках дно открывается, снег можно набрать, чтобы не выходить наружу. И вот я этот творог, а нас 8 человек в палатке было, развожу, на всех полная кружка. Даю Петру, - творожку поешь! А он и говорит: «Ну все, ослабел, никак творог доесть не могу! – Так это же на 8 человек! Ладно, говорю, сейчас еще разведу!».

Там же у нас интересные моменты были. Медведица идет с медвежатами, параллельно нам метрах в 30-40. Медвежата любопытные, раз, и у нас между ног. Она его мордой, он опять к нам бежать, она его опять. И так раза 3-4. Один идет спокойно, а второй любопытный. Наконец ей надоело, и она его лапой, он кувырнулся, сел скулит, и лапой нос трет, как человек. Так она нас проводила метров 400.

Другой случай был там же. Сидим в палатке, а уже конец апреля, полярный день, солнце почти не заходит. На моем дежурстве, смотрю, тень, кто-то ходит на улице. Чего, думаю, не спится! Спали бы и спали, мы каждый день проходили по 30 километров, у нас к санкам одометр был приделан, колесико такое. Я вылез и нос к носу с медведем. Он на меня смотрит, я на него смотрю. Он отошел. Я говорю: «Медведь, медведь!». Мы в палатке, вроде как в доме сидим, хотя чего тут стоит ее лапой порвать. Высунулись, поснимали. Петро свою камеру завел, она застрекотала, он снимает, а колпачок с объектива не снял!

У нас оружия с собой не было, были ракетницы. В одном месте мы стрельнули, медведь ее проводил мордой, и все. С медведями еще случай был то ли в проливе Спартака, толи в проливе Марата. Там крутой ледник спускается, а на другой стороне мишки со льдины

катаются. Он залезает, и на спине вниз. Залезает, и снова вниз! Метров 500, 600 до них было.

На Камчатке в истоках реки Авачи место называется «Медвежий заповедник». Медведей тем множество. Они рыбу ловят. Лежит медведь, лапу в воду отпустил, рыба подошла, он лапой дернул, ее на берег выбросил, придавил, и снова лежит.

Пик сложных походов у нас был в 80-е годы. И для всей страны это был пик массовости и сложности походов. Больше чем в 80-х никогда не было. Тогда все получалось и по стоимости походов и по объему – отпуска были длинные.

Как-то со скаутами мы ездили в Чили, это был 99 год, там мы Новый год встречали. Днем жара 50⁰, ночью мороз. Предгорья Анд. Высота 2700. Громадная поляна. По краям вышки с пулеметами. В прямом смысле с пулеметами. Дети на джамбори могут участвовать с 14 до 18 лет. Наша делегация знала 11 языков. Специально подбирали детей со знанием языков. С нами был отец Геннадий, он сейчас митрополит. Было почти 3 000 аргентинских скаутов. Они ходили, в барабаны стучали. А нас поставили очень неудачно. Мы очень возмутились, когда приехали. Там есть центральная сцена, и нас поставили от нее далеко. Рядом с нами арык идет, 4 пруда, вроде пожарных, глубоких, холодных. И обширная полоса 50 на 100 метров – инжир. Толстые деревья, ветки отходят как стволы. На поляне собралось почти 40 000 человек.

Наши ребята активно себя проявили, они везде участвовали, за активность делегациям присуждали по определенной системе баллы. Но это не соревнования. Там надо было создавать международные команды из 10 человек. Чем у тебя более международная команда – тем лучше. Если у тебя в команде дети из десяти стран, ты получаешь много баллов, и эта команда должна какие-то задания выполнять или что-то придумывать.

На каждом джамбори что-то надо делать для местного населения. Забор поправить, дрова нарубить и т.д. В этот раз нужно было покрасить отрезок водопровода, километра 2 длинной. И там была для этого краска. Смысл этого мероприятия, не столько в покраске, сколько в общении. И вот все приезжающие немного покрасят, и сидят разговаривают. Их туда отправили на целый день. Они там должны были меню придумать, сделать общий обед. А наши вместо кисточек взяли валики, и все 4 ведра краски извели. Покрасили 400 метров трубы, которые были рассчитаны на 5 дней. Солнце печет, краска высыхает сразу, наши сидят, отдыхают. Организаторы приходят – краски нет.

По итогам мы заняли первое место в мире среди всех делегаций. Об этом нигде не пишут.

*Литературная запись: Алексей Александрович Алексеев
Jumorin5@yandex.ru*